

10.00.00 Philological sciences

10.00.00 Филологические науки

UDC 81

The notion of Colloquialism Elements in the Modern Kazakh Language¹Turmahanbet Primbetov²Shara Mazhitayeva

¹Karaganda State University named after the academician E.A. Buketov, Kazakhstan
PhD (Philology), Associative Professor

²Karaganda State University named after the academician E.A. Buketov, Kazakhstan
Dr. (Philology), Professor
E-mail: S_mazhit@mail.ru

Abstract. Up to now lingual nature of colloquialisms in the Kazakh linguistics partially was affected in different sectors of lexicology and stylistics. This article is concerned with the issues, regarding the features of colloquialisms lexical, as well as vocabulary-stylistic category of contemporary Kazakh language. It also examines some works on various aspects of the derivatology, in particular, the issue, concerning the use of colloquialisms specific terms in the modern Kazakh language. As a result of the analysis this article more or less defines limits of the lexical and stylistic terms use.

Keywords: colloquialisms; culture of speech; language norm; derivatology; the literary language.

Введение. На данном этапе современный казахский язык переживает трудный момент. Это объясняется тем, что в современном казахском языке с недавних пор находятся в стадии разработки просторечные слова как один из элементов разговорной речи. Поэтому изучение проблемы культуры речи казахского языка на сегодняшний день является насущной задачей лингвистической науки. Однако в области казахского языкознания эта проблема не решена в достаточной мере. Это и понятно, ибо культура речи имеет тесную связь с производственной сферой жизни, многогранной практической деятельностью языкового коллектива. Но это не снимает с повестки дня вопрос об установлении объективных причин отставания культуры речи как отрасли языкознания. Задачи о культуре речи ставятся тогда, когда общественность обладает известными понятиями о нормах, практически пользуется достаточно стабильным литературным языком, разветвленным на устную и письменную формы речевой коммуникации. Значимость культуры речи особенно возрастет тогда, когда широкая общественность будет приобщена к культуре письма и печати, иметь радио и телевидение, национальные театры и кино и другие объекты художественной культуры, как существенные факторы духовного роста. Следовательно, степень развитости лингвистической науки, вернее, ее отрасли, изучающей языковую культуру, тесно связана с состоянием, т.е. с уровнем развитости, национальной культуры вообще.

Вместе с тем необходимо отметить, что проблема культуры слова, точнее ее содержания и объекта, теории и методов, не решена полностью не только на почве казахского языка, но и в области других языков, в том числе и в сфере русского языкознания [1].

Материалы и методы. При лексико-семантической и стилевой систематизации просторечные слова проявляют себя как "неуловимые элементы" вследствие подверженности их к депрессии и эмоциональной окрашенности. Субстантная основа ряда таких образных речепотреблений нередко выступает в роли и некоей субституции, когда лингвист-исследователь оперирует не прямым, а переносным значением словесного образа. В качестве критерия истинности своих суждений в подобной ситуации мы прибегли к

литературной параллели просторечного образования, наличие которой с сохранением как дистантного, так и контактного положения по отношению к объекту подтверждает правомерность нашей рабочей гипотезы. Такое построение научного анализа предполагает подкрепление мысли отчетливыми и недвусмысленными практическими примерами. Примеры были извлечены из книг как беллетристического, так и публицистического содержания, различных газет и журналов, т.е. общественно-массовой и сатирической периодики, из собраний устно-поэтических образцов.

Для разграничения просторечных слов от их литературных эквивалентов, первые подчеркивались, вторые же заключались в кавычки. Следует особо отметить, что для одних просторечных слов свободно подбирались точные переводы, а для других, в силу сложности их перевода, подбирались их литературные варианты из русского языка или же близкие им по смыслу слова. Причиной этому явилось то, что просторечные слова, в отличие от других элементов разговорной речи, применяясь в повседневном бытовом обиходе, в некоторой степени впитывают в себя национальные особенности языка.

Наряду с этим, некоторая часть просторечных элементов можно перевести на русский язык разными по смыслу словами, так как и в казахском языке одно и то же просторечное слово в различных контекстах может выражать отличные друг от друга значения в силу своей полисемичности. Например, просторечное слово *кырт* – болтун, трепло в выражении «Ештене білмейтін кырт екенсін» выступает в значении "акымак", "онбаган" – глупец, негодяй, а глагол повелительного наклонения *кыртпа* обладает уже другим смыслом – «сөйлеме» – не болтай (лишнего), не трепись (не хвастайся).

Дискуссия. В собственно казахском языкознании на проблемы культуры речи обратили внимание лишь в последние 15–20 лет, в течение которых публиковались отдельные статьи на эту тему и увидели свет ряд книг и словарей. Тем не менее, в этой отрасли еще немало нерешенных вопросов и проблем. Ныне исследователей ждет множество злободневных задач, начиная с терминологичности в области культуры речи и кончая монографическими исследованиями о литературном языке и категории просторечия.

Как правильно отмечает Р.Г. Сыздыкова: «При установлении лексических норм языка особое внимание уделяется на разграничение пластов литературно-нормативных и просторечных слов. Для казахской лингвистической науки эта сторона предмета как бы представляет не изведенную целину. Известно, что просторечные слова обычно находятся вне литературных норм, но в то же время их нельзя смешивать с другими оппозициями разговорного языка, как местные слова, арготизмы, жаргонизмы и т.д. Дифференцированное понимание этих элементов важно для общей культуры речеупотребления» [2, с. 33].

В целом простонародные и литературные элементы лексики бытуют в языке в диалектическом единстве в состоянии взаимопроникновения. По утверждению В.В.Виноградова, в области русского литературного языка XIII–XXII веков «степень участия народной речи, просторечия в жизни литературного языка определялась степенью национализации, русификации церковнославянского языка. А с другой стороны, в зависимости от характера отношений социальной группы к книжной культуре находился тот или иной уровень "литературности" стилей живой устной речи. Ведь просторечие и народный язык не только питают литературную речь и стили письменного делового языка, но и сами питаются их соками» [3, с.49]. Однако такая взаимозаменяемость не всеми понимается верно, когда речь заходит о казахском языке. Со стороны отдельных тружеников пера наблюдается некритическое использование ресурсов общенародного языка при письме. Ныне казахская художественная проза больше всего страдает от такой неразработанности в речеупотреблении. Так, за последние годы в тексты художественных произведений безо всяких нужд и целей были внесены такие внелитературные элементы как диалектизмы, просторечные слова и словосочетания. Что интересно, инициаторов такого наплыва можно разделить на две группы: первая – это те авторы, которые сознательно употребляют местные слова, хотя это и не вызвано стилистической целью. Другая – сторонники употребления просторечных и других элементов разговорного языка без ограничения. Эта последняя тенденция особенно чревата последствиями, ибо такой подход

способствует нарушению литературно-языковой нормы, насаждению излишних дублетных форм слова. Как известно, ревнители местного лексикона не учитывают того, что богатство языка писателя определяется не количеством использованных слов. Под этим пониманием имеется в виду гибкость лексического элемента в стилистическом его употреблении, его функционально-семантическая емкость. Поэтому ныне чаще подвергаются критике труды тех писателей, которые относятся безответственно прежде всего к первоэлементу своего произведения, т.е. слову. А ведь «... образность состоит не только и не столько в тропах и фигурах, сколько в самом внутреннем существе поэтической речи как своеобразной системы воплощения воображаемого или эстетически отражаемого мира и в функциональной специфике ее эстетической структуры» [4, с. 155]. То есть, поэтическая функция языка опирается на коммуникативную, исходит из нее, но и воздвигает над ней подчиненный эстетическим, а также социально-историческим закономерностям искусства новый мир речевых смыслов и соотношений.

Изучение и теоретическое освещение категории просторечия вообще, и казахских просторечных элементов в частности сопряжены целым рядом трудностей. Прежде всего, выделение просторечных слов из массы общенародного фонда языка усложняется тем, что, как организмы живой клетки, эти словесные величины находятся в постоянном движении и изменении. Следовательно, определить их лингвистический статус в динамике почти невозможно. Поэтому, как и у всех других элементов речи, для установления категориальности просторечия за основу берется состояние покоя данного объекта исследования. То есть, в процессе развития языка в определенных условиях и на известном отрезке времени элементы разговорной речи обретают возможность перехода в литературно-нормативную область лексики. И, наоборот, некогда нормативные лексические величины с изменением общественного уклада жизни могут выйти из рамок нормативности и разделить судьбу внелитературных элементов. По мнению В.В. Виноградова «...эволюция быта, зарождение в нем новых форм этикета, влияние европейских обычаев – все это усложняет жанры русского обиходного языка и создает новые условия для его стилистической дифференциации» [3, с. 53].

Немалую сложность для исследователя казахских просторечных элементов представляет неразработанность данной проблемы не только в нашей казахской лингвистической науке, но и вообще в области тюркского языкознания. При тщательном прослеживании творческих изысканий наших коллег-предшественников мы не встретили ни одного монографического /диссертационного/ описания просторечий (за исключением монографии Т.Т. Примбетова «Казак тілінің сойлеу тілі элементтері» (Разговорные элементы казахского языка. Караганда, 2011) (какого бы то ни было тюркоязычного объекта. К сказанному можно еще добавить относительную непереводаемость просторечных элементов с языка на язык. Поэтому мы попытались в данной статье передать казахские просторечия в основном с русскими эквивалентными образованиями, хотя рассчитывать на полный успех в нашем предприятии едва ли возможно, ибо, стремясь к колориту, можно упустить семантическую суть.

Нуждаются в особой оговорке терминологические трудности в деле описания феномена. В первую очередь мы столкнулись с трудностью в отношении изъяснения научным языком сущности категории просторечия. В научной и научно-популярной литературе по казахскому языку, имея в виду оригинальный текст, понятие "просторечие" передается терминологическим выражением "карапайым соз". Однако, утверждать, что это раз и навсегда закрепленный как термин адекват русского "просторечное слово" было бы весьма рискованно, так как прилагательным "карапайым" в значении "простота, простой", с положительной эмоцией, пользуются многие, в том числе и такие "предубежденные" в своей правоте труженики пера, как писатели и журналисты. Это вызывает множество кривотолков в постижении научной истинности вопроса, т.к. в сознании читательской массы эпитет "карапайым" /простой/ ассоциируется именно с понятием о положительности и совершенства чего-либо, не говоря уже о "гениальности в простоте". Данное обстоятельство заметно мешает формировать общественное мнение вокруг категории просторечия, как о явлении внелитературном, грубом, не подлежащем нормированию. Тем не менее, в казахских редакциях наших теоретических разработок мы приняли на вооружение этот

условный термин – "карапайым соз", который в широком понимании больше звучит диссонансом в качестве "просторечного слова", чем гармонирует с общей постановкой проблемы.

Выводы. В данной статье мы пытались доказать, что просторечные элементы являются не только лексической категорией (в работе нами в связи с этим рассмотрены и грамматические особенности просторечия), но также и то, что, широко используясь в художественной литературе и в повседневной разговорной речи для достижения конкретной стилистической цели и выступая как экспрессивно-эмоциональная единица и как особый способ образного оформления мысли, просторечия являются категорией стилистической. Таким образом, в настоящей работе просторечные слова рассматриваются как лексико-стилистическая категория.

Примечания:

1. Князькова Г.Н. Русское просторечие второй половины XVIII века. М.: Наука, 1974.
2. Сыздыкова Р.Г. Вопросы культуры речи // Известия АН Каз. ССР. Серия язык, литература. Алматы: Наука, 1980. № 1.
3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XIII–XIX веков. Издание третье. М.: Высшая школа, 1982.
4. Виноградов В.В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М.: Изд. Академии наук СССР, 1963.

УДК 81

О понятии просторечных элементов в современном казахском языке

¹Турмаханбет Примбетов

²Шара Мажитаева

¹ Карагандинский госуниверситет им. академика Е.А. Букетова, Казахстан
кандидат филологических наук, доцент

² Карагандинский госуниверситет им. академика Е.А. Букетова, Казахстан
доктор филологических наук, профессор
E-mail: S_mazhit@mail.ru

Аннотация. До настоящего времени языковая природа просторечных слов в казахском языкознании частично затрагивалась в различных разделах лексикологии и стилистики. В данной статье поднимаются вопросы, касающиеся особенностей просторечных слов не столько лексической, сколько лексико-стилистической категории современного казахского языка. В ней также анализируются некоторые научные труды по различным аспектам дериватологии, в частности, вопрос об употреблении специфических терминов просторечных слов в современном казахском языке. В результате анализов, в данной работе более или менее определены границы употребления терминов в области лексики и стилистики.

Ключевые слова: просторечные слова; культуры речи; языковая норма; дериватология; литературный язык.